

ЧЕСТЬ КОММУНИСТА

БЫВАЕТ, что спектакль оставляет тебя равнодушным, покинув зрительный зал, забываешь об увиденном. Но бывает и иначе, когда возвращаешься из театра взволнованным, перебирая в памяти впечатления.

Конечно, воздействие театра бывает самым различным. Ты можешь восхищаться режиссерской выдумкой, игрой исполнителей, фантазией художника или всем вместе, не разделяя спектакля на компоненты. Но самое важное, если разбужена мысль, если рождаются ассоциации, если задумался о явлениях жизни, раскрытых на сцене.

Вот именно такое и произошло после знакомства с новой работой Русского драматического театра Чувашской АССР, поставившего в XII съезду новую пьесу И. Куприянова «Мой брат». Нет, не о ярких актерских работах Н. Миленковича, М. Каширской, А. Дняк или Л. Козоровицкого, исполняющих центральные роли, хочется сегодня писать, и не о режиссерском решении спектакля одаренным В. Романовым; мне сегодня хочется поговорить об одном из важных явлений нашей жизни, о котором рассказал театр вместе с драматургом, рассказав одновременно и интересно.

Речь пойдет о партийной этике, о высоком звании коммуниста, о партийной чести.

В трех действиях драмы перед зрителем проходит жизненная судьба Егора Селиванова: сначала он — задорный комсомолец, приехавший на пустырь создавать новую жизнь, человек, прошедший вместе с армией трудные и героические военные годы, а потом вдруг огромный дом — «имение» на том же пустыре с высокой оградой и предостерегающая надпись в входах: «Во дворе злая собака». Позади мечты и дерзания, а теперь — тишина, давящий уют массивных стен особняка. Что же

стало с героем? Может, Егор стал одиночкой, отшельником, ушедшим от труда, забывшимся в сзую нору? Ничуть не бывало. Егор Селиванов — главный инженер и директор бумажного комбината, авторитетная личность. Свой домашний уют он считает заслуженным, завоеванным в боях и труде. Да, Советской власти уже за сорок лет, она в состоянии удолетворять постоянно растущие запросы трудящихся. Интересам партии заботы о личном благоустройстве не противоречат. Это прекрасно знает и Егор Селиванов, который без ложной стыдливости демонстрирует приехавшему брату роскошь своего домашнего гнезда. Горе не в этом, главное, что Егор, увлекшись своим комфортом, потерял чувство меры. Среди многочисленной мебели он растерял душевную независимость, стал рабом вещей. Как тряпина, затянуло его сытое благополучие, отбрав одно за другим человеческие и партийные качества. Приобретательство околдовало душу, словно затемнило глаза туманом.

Егор Селиванов не сумел вовремя разглядеть своего врага в себе самом. Подавшись покою, он его поэтизировал, то есть с головой ушел в липкую грязь, по меткому горьковскому выражению, «собственнического свинства». Весь смысл поведения Селиванова сводится к желанию во что бы то ни стало, любой ценой сохранить свой покой и безмятежность. Именно этим объясняются его суждения о людях, прекрасных в его глазах, если они ему не мешают, и неприятных, даже нестерпимых, если они его чем-то задевают, как-то встают поперек дороги. Стремлением к покою диктуется его черствое отношение к жене, превратившейся из инженера в домашнюю хозяйку, хранительницу уюта. Этим объясняется и безразличное отношение к воспитанию сына, отношению к отцу. Все его мораль-

ные принципы, взаимоотношения с окружающими сузились до потребительства. Что же может быть общего у такого Егора с партией, раз его партийная совесть и партбилет оказались «в разных карманах»? Что это — семейная драма? Нет, это разговор о чести и совести коммуниста.

Но основной тон, настроение пьесы задает не Егор Селиванов, не его моралью мерится жизнь. Подлинная коммунистическая партийность, а, значит, и подлинная человечность неразделимы с творческим вторжением в жизнь, с активным отношением ко всему происходящему вокруг. Таким мы видим и воспринимаем брата Егора — Петра Селиванова. Петр — это не просто другой, уже «добродетельный» персонаж, мирно соседствующий с братом, но человек активный, неутомимый, качественно иной, с иным миром чувств, идеалов и стремлений.

Петр — подлинный представитель нашей современности, вечный неутомимый, бесоманный борец за новую жизнь. У него большое сердце, распахнутое навстречу трепетному дыханию жизни, чуткое ко всем человеческим радостям и горестям. Воспитав в себе священное чувство партийного и воинского долга, Петр Селиванов в то же время не аскет, отвергающий житейские радости во имя ложно понятого, надуманного подвижничества. Ему дорога красота и радость бытия, радость свершений и движения вперед.

Тема, поднятая И. Куприяновым в пьесе «Мой брат», не претендует на новизну. О том, как, чем и для чего жить, говорится и пишется довольно часто.

Заостряя свою мысль, автор говорит о проявлениях частноблагородных инстинктов, о своеобразной логике мешанства, где трафарет вместо пылливой работы мысли и легкий путь вместо трудного, где

самоуспокоение вместо желания разобраться в своих промахах, чтобы завтра их не повторить.

Есть в пьесе Куприянова еще персонаж — Илья Проконевич, отец братьев Селивановых. С виду суровый, скупой на слова, этот человек партии своими помыслами, делами, сзоей совестью. Именно ему и принадлежат слова, являющиеся ключом ко всему идейному строю пьесы: «Это проща всего — передоверить суд другому. Человек сам должен быть себе судьей. И нет суровей приговора, который он сам себе вынесет».

Коммунизм и частноблагородничество — понятия несовместимые. Победа самой благородной морали из всех когда-либо существовавших, морали коммунистической — дело не менее трудное и ответственное, чем борьба за материальное изобилие. Нужна повседневная, кропотливая, в высшей степени честная и неустанная борьба каждого из нас со своими слабостями, страстями и дешевыми желаньями, чтобы эта победа скорее пришла. Вся обстановка кипучих созидательных будней нашего сегодня — того необычайного духовного подъема, который вызван XII съездом партии и программой строительства коммунизма, им утвержденной, вызывает к высокой требовательности каждого из нас к самому себе, вызывает к партийной чистоте и чести. Об этом и думаешь, просмотрев спектакль «Мой брат». И радостно видеть в театре, как единодушно, без колебаний и размышлений наш зритель смехом провожает в область теней отживающее сзоей век частноблагородничество и мешанство, как естественно и неоспорима для него побеждающая этика коммунистического завтра.

И. СЕМЕНОВА,
кандидат филологических наук.

«Советская культура», 2 декабря
1961